

Л. А. А б у к а е в а, Экспрессивные синтаксические конструкции в марийском языке. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Йошкар-Ола 2005. 320 с.

16 декабря 2005 г. на заседании диссертационного совета Д 212.116.01 по присуждению ученой степени доктора филологических наук при Марийском государственном университете состоялась защита докторской диссертации Любови Алексеевны Абукаевой на тему «Экспрессивные синтаксические конструкции в марийском языке».

Работа выполнена в Марийском государственном университете, научный консультант — доктор филологических наук профессор Ю. В. Андуганов. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор А. Н. Куклин (Йошкар-Ола), доктор филологических наук профессор О. Е. Поляков (Саранск), доктор филологических наук профессор Л. Ш. Арсланов (Елабуга).

Современная лингвистика особое значение придает изучению экспрессивных возможностей языка. Действительно, как показывают инструментальные исследования С. В. Кодзасова, проведенные в 90-х годах XX столетия, в экспрессивной речи имеются специальные интонационные типы голоса, соответствующие эмоционально-экспрессивной функции высказывания: так, напряженный указывает на повтор или переспрос, расслабленный придает высказыванию ласкательный оттенок, придыхательный выражает высокую степень чувства, скрипучий передает отрицательное отношение (см. С. В. К о д з а с о в, Интонация. — Русский язык. Энциклопедия, Москва 1997).

В выражении экспрессивности на синтаксическом уровне наряду с грамматическими средствами языка существенную роль играют интонаемы. Однако анализ интонационного выражения субъективно-модальных значений возможен лишь на основе изучения экспрессивных средств языка. Отсюда понятна настоятельная необходимость исследования экспрессивных синтаксических

конструкций марийского языка. Данные, полученные в результате комплексного подхода к анализу синтаксических фразеологизмов с характерной для них мелодемой, могут быть использованы как для решения научно-практических задач лингводидактики, так и для разработки общетеоретических вопросов компаративистики и контрастной грамматики.

Структура работы (320 с. компьютерного набора) отличается стройностью и логичностью. Она состоит из введения (с. 6—23), семи глав (с. 24—254), заключения (с. 255—261). Библиографический список использованной литературы содержит 225 наименований (с. 262—283); список источников состоит из 87 наименований (с. 284—290). В справочной части имеется список сокращений грамматических терминов (с. 291). Работу завершают 12 приложений (с. 292—320).

Следует оговориться, что рубрики и подрубрики основной части далеко не однородны как в смысле широты, так и особенно по характеру своего изложения. Неравный охват языкового материала обусловлен тем, что в одних случаях синтаксические фразеологизмы обладают широким спектром семантики (фразеологизмы, имеющие значения разнообразия, множественности, распространения, преобладания), в других — семантическая емкость фразеологизмов, образуемая более частными значениями, не велика.

Основная цель автора — исследование системы экспрессивной синтаксической конструкции марийского литературного языка, в центре ее внимания находятся синтаксические конструкции, передающие субъективно-модальные значения; особенности их структурной организации; спектр субъективно-модальных значений, передаваемых структурами экспрессивного синтаксиса, и особенности функционирования таких построений; специфика взаимодействия

экспрессивной синтаксической конструкции как внутри системы, так и особенности их отношения к конструкциям нейтрального синтаксиса, а также экспрессивным средствам других уровней языка (с. 7—8).

На эмпирическом уровне исследований применялись такие методы, как лингвистическое описание и статистическая группировка фактов. Теоретические выкладки производились с помощью гипотез, аналогии, индукции и дедукции. Дисциплинарная методология включала трансформационный и компонентный анализы, посредством которых определялось типовое значение и выявлялись функции анализируемых конструкций. Метод синтаксического моделирования привлекался при конструировании моделей экспрессивной синтаксической конструкции. Синтаксические модели фразеологизированных предложений представлены в терминах морфологических форм слов. При определении продуктивности и функционально-стилевой закреплённости экспрессивной синтаксической конструкции применялся количественный метод. Экспериментальный метод нашёл применение при оценке степени экспрессивности исследуемых конструкций.

Последовательно различая речевую и языковую экспрессию, в качестве экспрессивных синтаксических конструкций Л. А. Абукаева рассматривает структуры, которые обладают ингерентной (узальной) экспрессией, среди которых фигурируют синтаксические фразеологизмы — построения для выражения субъективно-модальных значений; модификации свободных структурных схем предложений — модификаты; конструкции с позиционно-лексическим повтором; конструктивный повтор; многосоюзные конструкции; бессоюзные конструкции, синтаксически незавершенные конструкции; различные типы расчленения текста (сегментация, парцелляция, антиципация). Явления поэтического синтаксиса (антитеза, градация, анафора, эпифора и др.) в состав экспрессивных конструкций не включаются, они квалифицируются как семантико-синтаксические фигуры.

Теоретические положения и методика исследования, разработанные Л. А. Абукаевой, могут быть использованы при изучении экспрессивных ресурсов синтаксиса как близкородственных, так и дальнеродственных финно-угорских языков. Однако при этом необходимо соблюдать достаточную осторожность, ибо в структуре родственных языков наряду со сходными явлениями, возводимыми к общему источнику, имеются значительные расхождения, не поддающиеся объяснению с точки зрения сравнительно-исторического языкознания.

В этой связи интересно бы узнать, как проявляется коннотативность фразеологизмов, обладающих экспрессивно-синонимическим значением, в произведениях марийских писателей? Используются ли они без изменения семантики, состава, формы, т.е. в общепринятом, узальном виде, или же в их формы, состав вносятся авторские обновления вплоть до замены их компонентов?

Во введении (с. 6—23), по традиции, указываются актуальность, объект, предмет, цель и задачи исследования, интерпретируются лингвистические методы и приемы, описываются источники работы, раскрывается научная новизна исследования, его практическая и теоретическая значимость, отмечается апробация основных положений работы. Здесь же рассматривается история изучения вопроса в финно-угорском и марийском языкознании (с. 13—23). Л. А. Абукаева приходит к выводу, что наиболее изученными являются категория объективной модальности, основные средства ее выражения, а также лексические средства выражения субъективной модальности. Синтаксический же уровень субъективной модальности лишь начинает привлекать внимание ученых.

В марийском языкознании мало разработана проблема экспрессивной функции языковых единиц разного уровня. Специальных работ об экспрессивных средствах на синтаксическом уровне нет. Экспрессивное, эмоционально-оценочное значение языковых единиц на фонетическом, лексическом, словообразовательном, морфологическом уровнях так-

же целенаправленно не изучалось, хотя имеются отдельные работы по некоторым аспектам (с. 16).

В первой главе «Категория субъективной модальности и экспрессивности» (с. 24—53) рассматриваются теоретические вопросы, определяющие концепцию исследования и непосредственно связанные с изучением фразеологизированных конструкций как образований экспрессивного синтаксиса. Раскрываются понятия субъективной модальности и экспрессивности и выявляются их составляющие по отношению к синтаксическому уровню с учетом достижений современной лингвистической науки.

К настоящему времени накоплено немало свидетельств, подтверждающих тезис о том, что модальность — функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого. При этом возникает вопрос, какая модальность (объективная или субъективная) служит факультативным признаком высказывания? Все ли значения, составляющие содержание категории субъективной модальности, имеют прямое отношение к грамматике?

Целесообразно заметить, что несомненный интерес для Л. А. Абукаевой представляет статья Г. А. Золотовой «О модальности предложения в русском языке» (Филологические науки 1962, № 4, с. 65—79), в которой выделены три основных типа модальности как категории, выражающей 1) отношение высказывания к действительности с точки зрения говорящего; 2) отношение говорящего к содержанию высказывания; 3) отношение субъекта действия к действию (с. 26).

Уместно вспомнить, что еще в начале прошлого столетия А. М. Пешковский констатировал, в частности, что категория модальности выражает только одно отношение — говорящего к той связи, которая устанавливается им же между содержанием данного высказывания и действительностью, т.е. «отношение к отношению» (Русский синтаксис в научном освещении, Москва 1956).

При таком подходе есть ли основания связывать модальность с категориями прагматического уровня? Если да, то между какими факторами в категории модальности усматриваются отражения сложных взаимодействий?

Вторая глава «Синтаксические фразеологизмы в марийском языке. Структура синтаксических фразеологизмов» (с. 54—109) посвящена целостной характеристике конструкций, особенности организации которых не укладываются в рамки регулярных синтаксических связей и закономерностей.

Среди лингвистов нет единого мнения относительно самой природы фразеологизма, однако перечень терминов для обозначения фразеологизированных синтаксических конструкций, приведенный Л. А. Абукаевой на с. 54, можно расширить такими понятиями, как фразеологизированные структурные схемы предложений, сложноподчиненные предложения фразеологизированной структуры.

Структурный тип синтаксических фразеологизмов Л. А. Абукаева выделяет с учетом того, какой из постоянных компонентов играет первостепенную роль в организации модели. На этой основе ею выделяются синтаксические фразеологизмы (СФ) с местоименными постоянными компонентами — местоимениями и местоименными наречиями; СФ с союзами; СФ с послелогами; СФ с частицами (с. 62). Она особо подчеркивает, что при конструировании моделей синтаксических фразеологизмов марийского языка следует принимать во внимание вариативность модели (с. 63—65), факультативность компонентов структурной схемы (с. 65—101).

В целом методику моделирования синтаксических фразеологизмов, предложенную Л. А. Абукаевой, следует считать достаточно эффективной. Обзор ключевых позиций обычно мотивируется тем, что синтаксические фразеологизмы марийского языка строятся по моделям, принципиально отличающимся от структурных схем предложений нейтрального синтаксиса. Эти отличия проявляются, во-первых, в наличии в составе синтаксических фразеологизмов постоянных ком-

понентов, которые говорящий воспроизводит в своей речи; во-вторых, фразеологизированные конструкции имеют в своем составе факультативные компоненты, которые также являются строевыми элементами синтаксического фразеологизма, но в отличие от постоянных компонентов играют второстепенную роль: могут входить в структуру синтаксического фразеологизма, но экспрессивная конструкция реализуема в речи и без них (с. 109).

Третья глава «Семантика синтаксических фразеологизмов в марийском языке» (с. 110—176) является самой большой и наиболее теоретизированной частью исследования. Л. А. Абукаевой проанализировано 248 вариантов структурных схем фразеологизированных конструкций лугово-восточного марийского литературного языка (с. 175). Модели синтаксических фразеологизмов и их варианты представлены в приложении 2 (с. 296—307).

Исходя из семантической емкости синтаксических фразеологизмов и учитывая значения на первом уровне их дифференциации, Л. А. Абукаева выделяет следующие типы: 1) СФ оценки (с. 114—130); 2) СФ превосходства (с. 130—132); 3) СФ согласия, принятия (с. 132—138); 4) СФ несогласия, непринятия, отрицания (с. 138—145); 5) СФ со значением разнообразия, множественности, распространенности, преобладания (с. 146—156); 6) СФ единственности, исключительности (с. 156—158); 7) СФ акцептирования, выделения (с. 158—164); 8) СФ со значением логической обусловленности и обстоятельственной характеристики (с. 164—169); 9) СФ со значением необходимости, целесообразности (с. 169—173); 10) СФ со значением ненужности, нецелесообразности (с. 173—175).

Нельзя не согласиться с автором в том, что «общее значение синтаксических фразеологизмов складывается из значения свободных и постоянных компонентов, микро- и макроконтраста, ситуации, а также зависит от интонации. Просодия при этом играет важную роль, так как от нарастания или замедления темпа речи, мелодики речи, тембра, паузы, места логического ударения может зависеть

значение экспрессивной конструкции» (с. 176). Однако возникает вопрос: как обеспечивается фонетическое единство синтагмы в синтаксических фразеологизмах: интонацией или синтагматическим ударением, т.е. усилением ударения на одном из слов? А также: синтагматическое ударение, выделяя одно из слов подобно словесному ударению, объединяет ли все слова синтаксического фразеологизма в единое фонетическое целое? Или же они действуют вкупе?

В четвертой главе «Синтаксические фразеологизмы и предложения нейтрального синтаксиса» (с. 177—186) рассматриваются взаимодействия синтаксических фразеологизмов и единиц нейтрального синтаксиса. Л. А. Абукаева обоснованно отмечает, что синтаксические фразеологизмы по сравнению с предложениями, построенными по свободным структурным схемам, наряду с объективным содержанием, отражают субъективно-модальные значения, которые выявляются при соотнесении их друг с другом или трансформации структур экспрессивного синтаксиса в структуры нейтрального синтаксиса (с. 180—181).

Поскольку экспрессивный синтаксис обнаруживает тесную связь с прагматикой, в четвертой главе отдельно рассматривается «Прагматический аспект употребления синтаксических фразеологизмов» (с. 181—186).

Л. А. Абукаевой не без оснований подчеркивается, что общими для прагматики и экспрессивного синтаксиса являются проблемы, связанные с субъектом речи, среди которых вопросы, касающиеся отношения говорящего к тому, что он сообщает, оценка высказывания. Прагматика и экспрессивный синтаксис пересекаются также в вопросах, касающихся адресата речи, в том числе интерпретация речи, в частности роль контекста, ситуации, эстетический эффект высказывания и др. (с. 181).

Пятая глава «Модификаты как экспрессивные синтаксические конструкции марийского языка» (с. 187—208) посвящена анализу позиционно-лексического (с. 187—194) и конструктивного (с. 194—199) повторов, целостной характеристике многосоюзных (с. 199—203) и бессоюзных (с.

204) конструкций, а также интерпретации синтаксически незавершенной (усеченной) конструкции (с. 205—208).

Л. А. Абукаева обоснованно отмечает, что среди модификатов как в художественном, так и публицистическом стиле наибольшей продуктивностью и ярко выраженной экспрессивностью отличаются конструкции с позиционно-лексическим повтором, а также бессоюзные и многосоюзные конструкции (с. 208). Их степень экспрессивности, выражение оценочно-характеризующих субъективно-модальных значений и другие параметры даны в качестве приложений (см. 9, 10, 12).

Весьма актуальная, но недостаточно разработанная проблема рассматривается в шестой главе «Экспрессивность расчлененных текстов в марийском языке» (с. 109—244). Автор солидарна с мнением Л. Ф. Шильниковой, выделяющей три типа расчлененных текстов в русском языке: 1) сегментированные; 2) парцеллированные; 3) антиципированные (с. 209).

На основе анализа фактического материала Л. А. Абукаева приходит к выводу, что сегментированные, парцеллированные и антиципированные конструкции в марийском языке выступают как показатели собственно оценочных субъективно-модальных значений: стремления выделить, акцентировать, подчеркнуть описываемые факты действительности, сосредоточить на них внимание адресата. Такая подача информации, по ее мнению, повышает выразительность речи, обеспечивает воздействие на читателя или слушателя (с. 244).

Заключительным аккордом теоретической части является седьмая глава «Конвергенция экспрессивных синтаксических конструкций в марийском языке» (с. 245—254), в которой анализируются особенности конвергированного употребления синтаксических фразеологизмов с другими средствами экспрессивного синтаксиса.

Л. А. Абукаева подчеркивает, что благодаря конвергенции отражается высокая эмоциональность речи персонажа,

сближается его речь с речью автора, текст насыщается пафосом, конкретизируются изображаемые явления, более рельефно и образно представляются описываемые предметы, текст организуется в интонационно-ритмическом плане, достигается эффект разговорности (с. 254).

Теоретическую часть работы завершает заключение (с. 255—261), содержащее умело сформулированные выводы по семи главам.

Для наглядности результаты количественных подсчетов Л. А. Абукаева сосредоточила в семи таблицах (с. 310—316), представленных в приложении. В результате ей удалось провести количественный анализ разнотипных моделей синтаксических фразеологизмов, выявить продуктивность и непродуктивность их употребления.

В работе все же имеются отдельные недостатки: стилистические погрешности в переводах марийских предложений на русский язык (с. 51, 52, 55, 56, 66, 107), орфографические описки (с. 54, 59, 60) и некоторые опечатки, не имеющие существенного значения. Кроме того, в теоретической части встречаются отдельные спорные положения, побуждающие к дискутированию.

Отмеченные неточности и погрешности легко устранимы и не снижают общей положительной оценки исследования.

Резюмируя изложенное, можно констатировать, что Л. А. Абукаева решила многие ключевые вопросы синтаксиса марийского языка, до сих пор остававшиеся нерешенными. Предлагаемые решения не вызывают принципиальных возражений. Репрезентация конкретных наблюдений и выводы автора аргументированы, научно обоснованы. Теоретические положения и иллюстративный материал работы послужат хорошим подспорьем при составлении «Сравнительной грамматики финно-угорских языков», «Исторического синтаксиса марийского языка», «Сопоставительной типологии русского и марийского языков. Синтаксис».

АНАТОЛИЙ КУКЛИН (Йошкар-Ола)